

Научный поиск: личность, образование, культура. 2022. № 4. С. 65–69.
Scientific search: personality, education, culture. 2022. No. 4. Pp. 65–69.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82.091
ББК 83.3
DOI: 10.54348/SciS.2022.4.12

Апокалиптическая тема в романе Ю. Бондарева «Искушение»

Надежда Павловна Крохина

Ивановский государственный университет, Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает самый социально-острый и прогностический роман Ю.Бондарева «Искушение» (1991) как роман-размышление об исторических судьбах России, роман о русском национальном характере, роман-предупреждение. Роман анализируется в контексте тетралогии, которую он завершает и позднего творчества Ю.Бондарева. Выявляется проблематика романа, тема духовного кризиса, акцентируется апокалиптическая тематика и система образов в романе. Многие реалии романа «Искушение» предворяют реалии постсоветского времени: контрасты роскоши и народной бедности, космополитической столицы и дичающей провинции, образ Запада как разрушителя России. Сквозным в романе становится образ искушения – искушение предательства, искушение вранья, искушение самоубийства и главное искушение – «искушение – убить негодного человека», потому роман пронизан катастрофичностью апокалиптического времени, когда уже невозможно примирение с врагами. Надежда писателя столь же апокалиптична, как и представленная реальность. Ибо в извечном споре Христа и Антихриста, мира обожженного и обезбоженного – Россия с Христом. Бондарев считал, что «опорой духовного мира остаётся ... бессмертная русская литература».

Ключевые слова: искушение, антропологический кризис, образы заблудившегося человечества и суда над историей, Христос и Антихрист, роман-трагедия.

Для цитирования: Крохина Н.П. Апокалиптическая тема в романе Ю. Бондарева «Искушение» // Научный поиск: личность, образование, культура. 2022. № 4. С. 65–69. <https://doi.org/10.54348/SciS.2022.4.12>

CULTUROLOGY

Original article

Apocalyptic theme in Y. Bondarev's novel "Temptation"

Nadezhda P. Krokhina

Ivanovo State University, Shuya, Russia, nadin.kro@mail.ru

Abstract. The article considers the most socially acute and prognostic novel by Y. Bondarev "Temptation" [1991] as a novel-reflection on the historical destinies of Russia, a novel about the Russian national character, a novel-warning. The novel is analyzed in the context of the tetralogy, which it completes, and the late work of Y. Bondarev. The problems of the novel, the theme of the spiritual crisis are revealed, the apocalyptic themes and the system of images in the novel are emphasized. Many of the realities of the novel "Temptation" precede the realities of post-Soviet times: contrasts of luxury and popular poverty, cosmopolitan capital and wild province, the image of the West as the destroyer of Russia. The image of temptation becomes through in the novel – the temptation of betrayal, the temptation of lies, the temptation of suicide and the main temptation – "the temptation to kill an undesirable person", because the novel is permeated with the catastrophism of the apocalyptic time when reconciliation with enemies is no longer possible. The writer's hope is as apocalyptic as the reality presented. For in the eternal dispute between Christ and the Antichrist, the deified and deified world, Russia is with Christ. Bondarev believed that "the support of the spiritual world remains ... immortal Russian literature".

Keywords: temptation, anthropological crisis, images of lost humanity and the trial of history, Christ and Antichrist, tragedy novel.

For citation: Krokhhina N.P. Apocalyptic theme in Y. Bondarev's novel "Temptation". *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura = Scientific search: personality, education, culture*. 2022. No. 4. Pp. 65–69. (In Russ). <https://doi.org/10.54348/SciS.2022.4.12>

Актуальность. Роман Ю. Бондарева «Искушение» (1991), по свидетельству самого писателя, его «лучшая книга», «предвидение того, что происходит сейчас» – в постсоветское время [Бондарев, 2009, с. 6]. Однако сколько-нибудь ясного осмысления в критике этот роман не получил. «Искушение» – самый социально-острый роман писателя. Роман-размышление об исторических судьбах России на очередном её историческом переломе, роман о русском национальном характере, роман-предупреждение. Н. Фёдь отмечал, «никогда ранее Бондарев-художник не откликнулся так остро на события жизни, как в романе “Искушение”» [Фёдь, 1991, с. 3], который завершает тетралогию («Берег», «Выбор», «Игра») о судьбах русской интеллигенции и переменмах в обществе 1970-1980-х гг.

Методы и организация исследования. Роман Ю. Бондарева «Искушение» анализируется в контексте тетралогии, которую он завершает и позднего творчества писателя. Выявляется проблематика романа, тема духовного кризиса, акцентируется апокалиптическая тематика и система образов в романе.

Анализ результатов исследования. Роман отличается по своей проблематике от трёх предыдущих частей тетралогии. Общей остаётся ситуация острого морального выбора, в которую писатель ставит своих главных героев учёных Игоря Дроздова и Николая Тарутина. В романе нет ретроспективной темы войны, за исключением трёх страниц, когда Дроздову снится кошмарный сон его отца – участника войны. Иначе, чем в предыдущих трёх романах, представлена тема современного Запада. В «Искушении» нет героя-антагониста, представителя западной культуры. Здесь всё внимание сосредоточено на российской современности и её проблемах.

В тетралогии Бондарева нарастает трагическое начало, обуславливая гибель главных героев. От личного кризиса главного героя романа «Берег» – не способного соединить два берега своей жизни, писатель переходит в романе «Выбор» к «духовному и моральному кризису времени» (В.Бушин) [цит по: Фёдь, 1991, с. 9]. Нарастает тема неприятия того «мещанского социализма», который и привёл позднесоветскую империю к необратимому кризису. Уже в «Игре» дух времени определяет пошлость, эгоизм, фальшь, равнодушие. Неуступчивый и ода-

рённый Крымов раздражает начальство. Уровню официальных требований соответствуют приспособленцы типа Молочкова, который на фронте показал себя трусом и негодяем, а теперь он предаёт Крымова, которому обязан жизнью. Конкретная коллизия романа воплощает одну из главных тем тетралогии – «погибла лучшая часть нации», «в войну погиб цвет народа» [Бондарев, 1988, с. 713]. И как следствие в 70-80-е (а они в «Искушении» – «мусор 60-х и 50-х» [Бондарев, 1991, с. 117]) нарастает деморализация общества, преступное злоупотребление властью и над человеком, и над природой.

Главные герои «Искушения» – не представители художественной культуры, как в предыдущих частях тетралогии, а учёные. Речь идёт о проблемах современной науки, в которой доминируют технократы, сторонники технического прогресса, о «союзе власти всемогущего государства и техники» [Фёдь, 1991, с. 6]. В романе главные герои, два друга, Тарутин и Дроздов, выступают против этого преступного технократического подхода к природе и человеку. И оба проигрывают. Тарутин в результате своего прямого протеста («новый Чацкий») против решения строительства Чилимской ГЭС в Сибири зверски убит в сибирской командировке. Дроздов заплатит за союз с другом своей научной карьерой. Его сюжет строится на его проверке – искушении занять должность директора академического Института экологии. Искушение высоким положением концентрированно выражено в двух диалогах Дроздова с партийным функционером Битвиным в начале и конце романа. Если в начале Битвин предлагает Дроздову подумать над предложением возглавить Институт, то второй их диалог завершается полным разрывом честного героя с мафиозным государством. «Вы больны... вы кончите дурдомом» [Бондарев, 1991, с. 343].

Образы научной и бюрократической элиты в романе гротескны. Речь идёт о деградации и обречённости советской системы. Образы смерти и предательства становятся лейтмотивами романа. Роман начинается сценой похорон бывшего директора Института академика Григорьева, которому за его сомнения в целесообразности строительства ГЭС предложили уйти из Института: и все сразу отвернулись от него «как будто он живой мертвец» [Бондарев, 1991, с.49]. Дроздов вспоминает недавние похороны

своей бывшей жены Юлии, дочери Григорьева, предавшей его, уйдя от него. Дроздов снятся кошмарные сны: «лёд проваливается», и он «погружается в чёрную пучину» [Бондарев, 1991, с. 91]. Предаёт Чернышёв своего учителя Григорьева. Предаёт Улыбышев своего кумира Тарутину, струсив при его убийстве.

В романе важна тема сущности человека, противопоставленная технократическому устремлению в космос: «Пытаются познать космос, в то время как не познали самих себя на земле» [Бондарев, 1991, с. 123]. В кабинете Григорьева Дроздов обращает внимание на знаковую фотографию этого полярного человеческой сущности космоса: «в траурных провалах галактик, в сиянии Млечного пути горели... неисчислимые созвездия». Непостижимое, заполненное звездами небо «пугает глубиной каких-то страшных вземных закономерностей, неподвластных пониманию смертных». «Тайна вечности дышала из черноты неизмеримой жутью гибельной бездны» [Бондарев, 1991, с. 49]. Эта интуиция чуждой человеку «гибельной бездны» сопоставима с образом космоса в прозе И.С. Тургенева, открывающего два лика космоса – тихое, христианское начало и пугающая бездна, несущая в себе враждебное человеку начало. Есть эта тема и в современной поэзии. Цитируем автора поэтических сборников «Звёзд рассыпанная соль», «Созвездия земного зодиака» и др., доктора физико-математических наук Ал. Соловьёва: «Бездушен космос пустотой сосуда, / Мы одиноки в сонмище миров» или «Жуткий холод вечной ночи / В дальнем космосе царит» [Соловьёв, 2021, с. 21]. Эта тема связывает роман Бондарева с его эссе «Мгновения», где наша земля – «голубоватая пылинка, воздушный кораблик, «хрупкий и беспомощный перед вселенной», а сознание человека вмещает и «ледяную жуть» вселенной, и личную трагедию краткосрочной жизни [Бондарев, 2002, с. 53, 128].

К Григорьеву приходит позднее прозрение: «Во имя чего мы так нагрели? Ради чего испакостили, изнасиловали землю?.. Не заблудились ли мы?.. Мы в тупике» [Бондарев, 1991, с. 55]. Возникает образ заблудившегося человечества, роднящий тетралогиию Бондарева с произведениями конца XX в., ставящими проблему антропологического кризиса (А. Битов «Пушкинский Дом», А.Ким «Отец-Лес», апокалиптическая диалогия Ч.Айтматова «Плаха» и «Тавро Кассандры») (см. [Личутин, 2006]). Образ заблудившегося человечества появляется в «Выборе»: «Сумасшедшее человечество утратило высший смысл своего существования и заблудилось... Найдёт ли и спасёт себя само

человечество? Оно дискредитировало себя... Оно должно очиститься. Но – как?» [Бондарев, 1988, с. 530]. Тетралогиию пронизывает тема критики современной технической цивилизации. Именно с ней, прагматической цивилизацией связана утрата высших смыслов и необратимые процессы дегуманизации. Тема нарастает в «Игре»: «Человек в современном мире – ничто... История России – трагедия... Современная цивилизация повела мир по ложному пути» [Бондарев, 1988, с. 642-643, 713]. И становится центральной в «Искушении».

В учёном споре в квартире Чернышёва, ученика Григорьева, Тарутин, подобно Чацкому, пытается всем открыть глаза на истинное положение дел в науке и обществе. «В науке командуют бездарности... Интеллигенция от науки вызывает у меня тошноту... В нашей науке полно ослов» [Бондарев, 1991, с. 119, 122, 129]. Наука деградирует, если позволяет губить Байкал и Волгу, вырубать кедр, затапливать плодородные земли. В романе звучит главный вопрос литературы XX в.: «Человек стал гуманнее?» [Бондарев, 1991, с. 121]. Разумеется – нет – в эпоху кризиса гуманизма. Выживает, кто влюблён «в клевету, ложь, карьеру» [Бондарев, 1991, с.130].

Образ заблудившегося человечества продолжает тема суда над историей, которая становится одной из главных тем в романе: «Над ней давно уже надо устроить суд. Жестокий и немилосердный» [Бондарев, 1991, с.130]. Своими деяниями человек приближает апокалиптический судный день. Предметом суда является прежде всего русская история: Россия «больна третий век», ибо находится «в пограничной ситуации между Востоком и Западом с петровских времён», Петром Первым произведена «торопливая, грубая, неумелая хирургическая операция» [Бондарев, 1991, с.129, 124]. Такова же и современная демократизация, которая «давно перешла в американизацию» [Бондарев, 1991, с. 124]. В романе звучит острая критика позднесоветской системы, когда всё «подчинено вранью» [Бондарев, 1991, с. 130]. В романе предстают реалии 70-80-х гг. XX в.: американизированная Москва и дичающая провинция, «сотни опустевших деревень с забитыми окнами» [Бондарев, 1991, с. 133]. И самая главная реалия времени – отсутствие объединяющей идеи: «Что объединяет? Когда-то было православие и царь-батюшка... Победа над Наполеоном определилась объединением царя и народа. Да и Отечественная 40-х гг. была выиграна верой в социализм и Сталина» [Бондарев, 1991, с. 133]. Что же сейчас? – «показуха и духовный разврат. Народ ни во что не ве-

рит» [Бондарев, 1991, с. 134] – этот духовный кризис и определил необратимый кризис социальной системы. Говорится и о том, что привело к этому безверию: «Десятки лет проводили немислимые эксперименты с народом, как над подопытными кроликами... Продразвёрстка, продналог, отдать землю, взять землю, коллективизация добровольно-принудительная, раскулачиванье, расказачиванье, укрупнение...» и проч. [Бондарев, 1991, с.133]. В результате звучит вопрос: сохранилось ли ядро нации, остался ли русский характер? «Русские выбиты в войну» [Бондарев, 1991, с.132]. В романе звучит и критика русского национального характера – опять же словами Тарутина: «Давно поражаюсь, как легко в России наши деды и отцы позволили разрушить православие» [Бондарев, 1991, с.135]. Самая опасная черта русского национального характера – склонность к саморазрушению. Эту мысль автор передоверяет Дроздову: «При всей талантливости самая отвратительная черта русского характера – это саморазрушение» [Бондарев, 1988, с.134], что и породило два слома социальной системы в 1917 и 1991 гг. Путём саморазрушения в романе идёт и Тарутин, скандально-прямо обрушивая правду на своих учёных коллег, объявляя им по сути гражданскую войну (словами Дроздова, «гражданская война – это тоже черта русского характера» [Бондарев, 1991, с.136]). Тарутин ведёт себя самоубийственно, потому что не верит в разумные изменения, не верит в них и Дроздов. Неразумные эксперименты привели к разорению Дома: «У всех у нас был Бог и дом. Бога не стало. И нет дома. Он разорён» [Бондарев, 1991, с. 169]. Властвуют технократы. В романе даётся картина катастрофического разрушения природы как результат безумных исторических экспериментов: «Байкал под угрозой..., Аральское море перед агонией... Волга – сточная канава. Енисей – сплошная грязь... Сколько затоплено плодороднейших земель, сёл, деревень». Идёт «запрограммированное, хитроумное уничтожение Сибири» [Бондарев, 1991, с. 178, 182]. Это разрушение природы отражает разрушение самого человека: «Мы все – обманутое поколение» [Бондарев, 1991, с. 179].

Все псевдогерои Бондарева, бюрократы от науки и государства невысокого мнения о человеке. «Сильные мира сего давно поняли, что большинство людишек – обыватели, рабы своих желаний... Для 90 процентов моральных проблем нет» [Бондарев, 1991, с.183]. Идеал большинства, словами Битвина, – «комфорт..., лёгкая бездумная жизнь. Кайф в раю удовольствий» [Бондарев, 1991, с.197]. Но это означает –

«правиль будет сатана» [Бондарев, 1991, с. 171] в этом обезбоженном мире. Новым балом у Сатаны становится испытание и искушение Дроздова на министерской даче. В её роскоши Дроздов видит аналогю с Римом «времен упадка» [Бондарев, 1991, с.250]. Всесильное мафиозное государство здесь представляет Татарчук, «вхожий во все инстанции» [4, с. 209]. Именно он произносит самые страшные слова в романе: «Миру дан свой срок, и его нельзя спасти... Христос, увы, архаичен. Антихрист ходит по земле уже без маски» [Бондарев, 1991, с. 244]. Вновь актуализируется тема Великого Инквизитора Ф.М. Достоевского. Если в «Пирамиде» Л. Леонова новым Великим Инквизитором становится Сталин, то у Бондарева – современные технократы. Татарчуку и Битвину вторит академик Козин: «Не красота спасёт мир, а хлеб!.. Христа распяли... Ежели явится мессия, его распнут снова... Не накормит человечество – распнут!» [Бондарев, 1991, с. 223]. Ложная система обречена, но обречён и главный герой романа, ибо путь ненависти – гибельный путь. «В мщении ты погибнешь... В ненависти сгорают» [Бондарев, 1991, с. 345], но непротивление злу герой как новый Гамлет отвергает. Тема будет продолжена в последующем романе Бондарева «Бермудский треугольник» о России криминальных 90-х гг., где также герой сгорает в ненависти. Так последние два романа Бондарева обретают черты романа-трагедии. Главный герой – современный Гамлет, противостоящий судьбе и погибающий «в смертной схватке с целым миром бед». В своих снах герой не однажды погибает.

Выводы. Многие реалии романа «Искушение» предваряют реалии постсоветского времени: контрасты роскоши и народной бедности, космополитической столицы и дичающей провинции. Или образ Запада как разрушителя России: «страшная идея «проекта века» – поворота северных рек в Волгу – заброшена нам из-за бугра» [Бондарев, 1991, с. 344]. С горькой иронией говорится об академике Козине как «уважаемом учёном, признанном за рубежом» – «потому что разрушает, а не создаёт» [Бондарев, 1991, с. 342]. Всё это продолжение темы Антихриста, что ходит по земле без маски. «Демократизация» в романе предстаёт как «американизация». Или союз ни во что не верящего государства с православием: Татарчук при всей своей антихристовой сути мечтает – «Уехать бы так на недельку в какой-нибудь провинциальный монастырь, в тишину, в душевное смирение, в голоса молитв, пропариться бы в монашеской баньке – и наступило бы очищение духа. От всей скверны мир-

ской» [Бондарев, 1991, с. 226]. Или самый образ мафиозного государства, для которого «Россия – сырьевая база Америки» [Бондарев, 1991, с. 207]. Сквозным в романе становится образ искушения – искушение предательства, искушение вранья, искушение самоубийства и главное искушение – «искушение – убить неугодного человека» [Бондарев, 1991, с. 343]. Потому роман пронизан катастрофичностью апокалиптического времени, когда уже невозможно примирение с врагами. И герой, обрекая себя, становится участником «суда над живой подлостью» [Бондарев, 1991, с. 347]. В «Бермудском треугольнике» речь идёт о совершившейся катастрофе – победе западной прагматической цивилизации, превращении великой страны в «колониальную окраину» [Бондарев, 2002, с. 624], опасности гражданской войны. Надежда писателя столь же апокалиптична, как и представленная реальность: «Запад и шизофреничная Америка хотят сожрать нас, но сами подохнут без русской ауры. Задохнутся без кислорода». «Погибнет Россия, погибнет следом и вся Европа, и Америка, и весь мир» [Бондарев, 2002, с. 607]. Ибо в извечном споре Христа и Антихриста, мира обоженного и обезбоженного – Россия с Христом. Прочитируем ещё один роман о криминальных 90-х Личутина В. «Беглец из рая»: «Да всё оттого, наверное, что в основании русской души – идеализм и наивное ожидание совершенства, оттого совесть – наш постоянный судья... Мы уже никогда, наверное, не уверимся в крепости всего земного, вещественного... В основании же европейской души – угождение плотскому, рассудочность, практицизм, делание вещей, устройство быта...» [Личутин, 2006, с. 82]. Потому и Бондарев писал, «опорой духовного мира остаётся ... бессмертная русская литература» [Бондарев, 2002, с. 454].

Список источников

- Бондарев Ю.В. Вот и вся подоплёка: Беседа В.Бондаренко с Ю.В.Бондаревым // Литературная газета. 2009. № 11. С. 6.
- Бондарев Ю.В. Берег. Выбор. Игра: Романы. Москва: Советский писатель, 1988. 752 с.
- Бондарев Ю.В. Искушение: Роман. Москва: Молодая гвардия, 1991. 350 с.
- Бондарев Ю.В. Мгновенья. Бермудский треугольник. Москва: ИТРК, 2002. 768 с.
- Крохина Н.П. Антропологический кризис в рецепции отечественной литературы конца XX в. // Ноосферные исследования. 2020. № 2. С. 78-83.
- Личутин В. Беглец из рая: Роман // Роман-газета. 2006. № 2. 128 с.
- Соловьёв Ал. Мы одиноки в сонмище миров... // Литературная газета 2021. № 42. С. 21.
- Федь Н. Горечь обманутых надежд // Бондарев Ю.В. Искушение: Роман. Москва: Молодая гвардия, 1991. С. 3-40.

References

- Bondarev Yu.V. That's the whole background: V.Bondarenko's conversation with Yu.V. Bondarev. *Literaturnaya gazeta = Literaturnaya gazeta*. 2009. No. 11. P. 6. (In Russ).
- Bondarev Yu.V. Bereg. Choice. Game: Novels. Moscow: Soviet Writer, 1988. 752 p. (In Russ).
- Bondarev Yu.V. Temptation: A Novel. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991. 350 p. (In Russ).
- Bondarev Yu.V. Moments. The Bermuda Triangle. Moscow: ITRK, 2002. 768 p. (In Russ).
- Krokhina N.P. Anthropological crisis in the reception of Russian literature of the late twentieth century. *Noosfernye issledovaniya = Noospheric studies*. 2020. No. 2. Pp. 78-83. (In Russ).
- Lichutin V. The Fugitive from paradise: A Novel. *Roman-gazeta = Roman-gazeta*. 2006. No. 2. 128 p. (In Russ).
- Solovyov Al. We are alone in a host of worlds ... *Literaturnaya gazeta = Literaturnaya gazeta*. 2021. No. 42. P. 21. (In Russ).
- Fed N. The Bitterness of deceived hopes. In: Bondarev Yu.V. Temptation: A Novel. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991. Pp.3-40. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 24.10.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 24.10.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 05.12.2022.